

СПИНОЗА И ПАУК

Биограф Бенедикта Спинозы Колерус (XVII век) сообщает о философе: "Он любил, в часы отдыха от научной работы, наблюдать, бросив муху в сеть к пауку, жившему в углу его комнаты, движения жертвы и хищника. Иногда, говорят, он при этом смеялся".

* * * * *

Старый мохнатолапый крестовик, почуяв на себе зрачки философа, чуть-чуть, что бывало с ним чрезвычайно редко, заволновался. Понятно: момент был слишком значителен. Вероятно, вследствие этого чисто артистического волнения мастера, две-три нити оборвались и спутались, но, в общем, дело было сделано, как всегда: быстро и чисто.

Восемь тонких внутрь вогнутых лапок паука, ступая по туго натянутому плетению паутины, методически, с полной последовательностью, точно перенумерованные в нотной тетрадке с экзерсисами пальцы пианиста, обмотали истерически дёргающееся тело мухи в серебристо-серый ворсинчатый саван. Треугольная головогрудь мастера, с колючими глазками у краев, отыскав на вибрирующем чёрном брюшке мухи нужное место, сомкнула внутри брюшка остро-изогнутые челюсти.

Муха дёрнулась было крылышками. Ещё раз. И всё.

Тогда-то паук и поднял колючий гранёный глаз кверху: тогда-то глаза паука и зрачки метафизика встретились. На мгновение. А затем: и паук-крестовик, и метафизик, расцепив взгляды, разошлись.

Метафизик подошёл к столу у окна; протянул правую руку -- щёлкнула бронзовая крышка чернильницы, зашептались друг с дружкой страницы рукописи.

А паук, потеряв слегка закровавившиеся передние лапки о пару средних, вполз по влажному бархатистому изумруду плесени в щель, темневшую меж стеной и неплотно к ней примкнутыми трактатами Картезия, Гэреборда и Клаубергуса. Пройдя по сомкнувшим свои лезвия листам к одному из книжных вгибов, паук подобрал в себя, сколько мог глубже, все восемь лапок и замер.

Метафизик же у окна писал: "...естественное право простирается во всей природе и в каждой отдельной особи так же далеко, как и сила. Следовательно, всё, что человек осуществляет в силу своих естественных законов, он делает с абсолютным естественным правом, и его право на Природу измеряется степенью его силы" [1].

Страницы, падая одна на другую, прикасались буквами к буквам и вследствие этого понимали друг друга. Скрипело перо. И лишь один раз метафизик, оторвав глаза от строк, глянул на паутинные нити в тёмном углу комнаты и улыбнулся.

А паук? Прижавшись брюшком к пыльному Клаубергусу, он погрузился в чистое недумание. Философу было чему поучиться у паука, но чему мог научиться паук у философа. Тот, у нервующихся чёрных строк, знал меньше, чем ему было нужно знать. И писал, и писал. Этот же, у нервующихся серых нитей, знал ровно столько, сколько ему должно было знать: он был досоздан до конца, и ему незачем и не о чем было совещаться с шелестом листов манускриптов и печатных томов. Сидя во вгипе фолианта, он наслаждался великой привилегией, издревле пожалованной их старинному и знатному паучьему роду, -- от прадеда к деду; от деда к отцу и от отца к нему, мохнатолапому, -- свободой от мышления.

1921

[1] Строки эти могут быть отысканы в Tractatus politicus Спинозы. Cap. 1, j 1-2. (Прим. автора.)

NOTICE

Публикуется по изданию: Кржижановский С.Д. Сказки для вундеркиндов: повести, рассказы.-- М.: Советский писатель, 1991.-- Стр.166-167.

Рассказ "Спиноза и паук" был включён автором в неопубликованный сборник "Сказки для вундеркиндов".

COPYRIGHT

- (с) Кржижановский Сигизмунд Доминикович, текст, 1921
- (с) Перельмутер Вадим Гершевич, подготовка текста, 1991
- (с) Перельмутер Вадим Гершевич, примечания, 1991
- (с) "Советский писатель", публикация, 1991
- (f) Novice, OCR, 2006/07/19